

**Константин
ЕМЕЛЬЯНОВ**

штат Вирджиния, США

В погоне за американской мечтой

* * *

Моя трудовая американская биография началась, когда мне уже было за тридцать. Первые месяца два после приезда я просто просидел дома, фигурально вися у работающей жены на шее.

Еще не приступая к обществу-полезному труду, я выяснил для себя, что прошлые регалии, звания, медали и должности здесь никого не интересуют. Если ваша фамилия не Шостакович, Бродский или Солженицын, то придется начинать на той же стартовой площадке, где начинают все выпускники американских средних школ. Иммигранты и американские вчерашние старшеклассники идут по пути к щедро рекламируемой мечте, как говорится, «ноздря в ноздю». Даже сидят в одних очередях за получением номеров социального страхования, пособий по безработице, водительских прав и т.д.

Мое первое место американской работы – безо всякой протекции – состоялось в местном баре с символическим названием «Последний шанс». Правда, для меня это был шанс первый. И работали вместе со мной немало выпускников средних школ.

Никаких рекомендаций и интервью для такой работы не требуется. Хозяин заведения посмотрит на тебя мимоходом, перемолвится парой слов и быст-

ро определит, подходишь ты ему или нет. Часто объявления о том, что требуется официант или посудомойка, печатаются в местной газете или наклеены прямо на дверях бара или ресторана.

Для позиции официанта был я немного староват и недостаточно хорошо владел английским языком. Клиенты, особенно подвыпившие, говорили невнятно, а исполнения ожидали сиюминутного. Что поделывать, клиент всегда прав.

Потому определили меня на кухню, в посудомойку и уборщиком столов. Работа не пыльная. Но мокрая и пахучая. Искусству загружать машину и коробки с грязной посудой, я научился за неделю. Еще одна ушла на умение балансировать с коробкой, набитой посудой в переполненной зале. Работал я не полный рабочий день, обычно с шести вечера до двух-трех часов ночи. Платили мне минимальную заработную плату, меньше шести долларов в час. Еще двадцатку-другую я получал чаевыми. Вернее, получали их официанты, работающие со мной в смену, а потом делились в отношении три к одному. То есть себе брали три-четыре доллара из пяти, оставляя мне один-два.

Во времена больших пивных праздников или футбольных матчей народ в бар валил без передышки. В те вечера моя выручка достигала тридцати-сорока

долларов за смену. Что до сих пор считается очень неплохим заработком. Те же официанты делали на столах своих постоянных клиентов за вечер сотню баксов, а то и больше. Но им нужно было и поговорить с клиентами, и посмеяться, и т.д.

Я же молча прибегал к опустевшему столу, быстро загружал коробку несвежей посудой, вытирал стол насухо и так же быстро исчезал на кухне. Все мои контакты с клиентами сводились к нулю.

Последовавшие за «посудной» и похожие на нее «интеллектуальные» работы, типа грузчика в вино-водочном или кассира-распаковщика в свечном магазине, длились недолго, так как обе достались как временные, пока постоянные работники болели или догуливали отпуска.

К тому моменту, продолжая свое заочное соревнование с американскими старшеклассниками, я усвоил еще один урок местного трудоустройства. Только низкие по оплате должности можно было получить, что говорится, с улицы. Если желаешь работу почище, в офисе и за более высокую плату, то необходимо освоить более «научный» подход.

В первую очередь, составить резюме или краткую производственную характеристику для потенциального работодателя. Неплохо бы и тесты кое-какие пройти, например, количество печатных знаков в минуту на машинке или компьютере, знание офисных компьютерных программ, знание английского языка и прочие навыки.

Такую помощь мне могли оказать только в одном величайшем изобретении капитализма – временном агентстве по трудоустройству, которое есть в каждом населенном пункте США.

После долгих ожиданий мне предложили место в офисе по аренде квартир. Там как раз подыскивали человека, способного внятно отвечать по телефону и на своей машине покатасть по комплексу и показать потенциальным арендаторам их будущую обитель. Искали предпочтительно девушку или женщину, но на худой конец готовы были взять и меня.

Платили в офисе в два раза больше, чем в баре, и в три раза больше, чем в свечном магазине. Да и к рубашке с галстуком я более привычен, чем к фартуку продавца или резиновым рукавицам мойщика посуды.

Так что вроде по этой лестнице я поднялся на одну ступеньку выше.

* * *

В конце дня меня отозвала в сторону помощник менеджера квартирного комплекса Сесилия, чернокожая американка лет сорока пяти, с копной жестких волос «а ля Джаннет Джексон».

– Слушай, парень, – заговорщически понизила голос она, – ты давай поосторожнее о'к?

За что я уважаю афроамериканских женщин, так это за их прямоту. Они не ходят вокруг да около, как их белые коллеги, измученные политкорректностью. Поэтому я хоть и напрягся слегка, но не обиделся и дал ей высказаться.

– Ты возил недавно даму на осмотр однокомнатной? – спросила Сесилия тоном опытного следователя.

Я только что показывал престарелой миссис Питинголо комплекс новых домов, которые могли бы ее заинтересовать. Божий одуванчик с седыми кудряшками, трясущимися как игрушки на новогодней елке, всю дорогу развлекала меня рассказами о своей семье, пока я возил ее на своей машине из одной съемной квартиры в другую. Под конец поездки она долго прощалась, называя меня «MisterNiceGuy».

– Возил, возил, – утвердительно продолжала Сесилия. – Да еще усадил на пассажирское место рядом с собой, а не на заднее, как положено по инструкции.

– Какой инструкции? – выдохнул я, вспоминая про седые трясущиеся кудряшки.

Терпеливо, как с недоразвитым ребенком, моя коллега продолжала укоризненно качать головой.

– А что случится, если она скажет, что ты к ней приставал? – не отставала Сесилия.

– К кому? – продолжал тупить я, не в силах забыть про качающиеся на елке новогодние игрушки.

– У нас клиенты разные бывают, – зловеще и даже с некоторым осуждением сказала Сесилия. – В прошлом году Джона из-за этого как раз и попросили.

Мои милые американцы! Придумавшие такое невинное развлечение на работе, как «сексуальное домогательство», согласно которому коллегу или клиента противоположного пола нельзя было не то что тронуть пальцем, но и даже посмотреть неподобающе в ее сторону.

Сколько карьер было разбито на этой почве! А сколько судебных процессов с неустойкой проведено и еще предстоит!

Видя мое недоумение, переходящее в стыд, как будто я действительно держал в голове черные мысли насчет несчастной госпожи Питинголо, Сесилия смягчила свой гнев на милость:

– Я тебе просто хочу помочь – объяснить, как нельзя делать. Для твоей же пользы. Мы все здесь как бы friends и должны помогать друг другу. Так что впредь сажай клиентов только на заднее сиденье и в одиночку пустые квартиры не показывай! Хоть меня позови!

Заверив Сесилию, что мы с ней очень даже cool, я

подумал, снимая опостылевший за день галстук, о том, как нелегко все-таки зарабатывать свой хлеб. Даже здесь, на цветущих нивах капитализма!

* * *

Наконец в один прекрасный вечер мне позвонили и предложили постоянную работу. Уже стало казаться, что моя американская мечта очень скоро воплотится в новый дом, машину и внушительный счет в банке. Хотя предлагали всего лишь место русскоязычного телефонного оператора в только что созданной компании «Звездные технологии», или коротко «Startec».

Находилось, правда, это «звездное» местечко неблизко, в соседнем графстве, что примерно в часе езды на машине. Да и платили всего восемь долларов в час, что лишь немного больше минимальной заработной платы. Зато можно было бесплатно позвонить раз в неделю друзьям или родственникам куда-нибудь в Алма-Ату.

Работа была отчасти на русском языке и постоянная. Суть ее заключалась в телефонном соединении иммигрантов из бывшего Союза, живущих в США, с их родственниками из Украины, России, Казахстана и других республик. За довольно смешную цену: что-то около семидесяти центов в минуту.

Работал я по сменам, в дневную и вечернюю, примерно часов шесть-семь в день. Приходилось иногда возвращаться за полночь. И даже однажды выйти на работу рано утром после новогодней ночи.

Компьютерные программы, используемые нашей компанией для короткого воссоединения родственников по обе стороны океана, были достаточно просты. Звонят тебе, скажем, наши клиенты из Нью-Йорка и дают телефон в Киеве или Москве.

Ты набираешь искомый номер, нажимаешь клавишу в компьютере и – вперед! При желании мы могли, используя технику, слушать то, о чем наши абоненты разговаривают. Но нужды в том не было, да и клиенты поджимали непрерывными звонками.

В свою очередь, наше начальство постоянно слушало нас, операторов, проверяя, достаточно ли вежливо и профессионально мы разговариваем с клиентами. И не только русскоязычных телефонистов, но и работавших в компании китайцев, корейцев, индусов, арабов и других. Кстати, и сам «Startec» основали выходцы из Индии, чей офис располагался прямо за нашими спинами.

Быть постоянно вежливыми с клиентами было нелегко. При помехах соединения или обрыве разговора клиенты всегда обвиняли нас, сидящих в одной комнате операторов. Как будто мы специально им связь через океан оборвали.

– Зажрались, дармоеды! – кричал в трубку пожилой дед из Филадельфии, – туалеты тебе надо мыть, а не по телефону говорить! Г..но из унитазов отдраивать!

Тут трубку перехватила его супруга, более вежливая и понятливая пожилая дама, которой я пытался объяснить причину неполадки. Но еще долго несло с заднего фона, вклиниваясь в разговор:

– Туалеты! Унитазы! Дармоеды!

Обслуживали мы и англоязычных клиентов тоже, из Америки во все части света. Так что доводилось слушать оскорбления и на английском языке.

Однажды я объяснял одному типу из Нью-Джерси причину, по которой мы не имеем связи с Марокко. Недослушав, он вдруг начал обвинять меня в том, что я слишком грубо с ним разговариваю.

– Компания работала бы лучше, не будь ты такой дыркой в з..днице, – бросил он.

– Сэр, кто из нас сейчас кому грубит? – вежливо, как мог, вопрошал я, раздираемый внутренней злобой, но крепко сдерживаемый трудовым контрактом.

К тому же было трудно забыть, что менеджеры, затаив дыхание, слушают меня сейчас на своей линии.

Удивительно, что, когда связь между Америкой и другими странами работала нормально, клиенты воспринимали это как должное. И очень редко нас, телефонистов и операторов, благодарили.

Однако стоило случиться малейшей неполадке, и громы небесные метались на наши бедные головы. В результате стрессов и довольно малой за это компенсации уволились в конце месяца сразу несколько русскоговорящих девчонок.

Так вот, к тому времени я оставался одним из последних «ветеранов». Хотя и проработал всего полгода. Объявили вакансию на место менеджера по залу, куда входила наша группа телефонистов. Это означало возможность повышения зарплаты, хотя работы стало бы больше. Подумав и решив, что на место могу претендовать, я подал свою заявку.

Через неделю стало известно, что менеджером зала назначили индуса. Который, кстати, проработал в компании меньше моего. Работать за небольшую плату в любое время суток после этого мне уже не улыбалось.

Получившему недавно американское гражданство, мне в скором будущем открывались новые перспективы. И хотя я из телефонной компании вскоре ушел, но переквалифицироваться в управдомы уже не было нужды.

* * *

Для нищих и малоимущих офисы социального страхования, а по-нашему собесы, расположены по всей стране. В одном из них мне удалось какое-то время поработать. Случилось это уже после получения гражданства, да и то по чистой случайности. Открылась вакансия русскоязычного специалиста по льготам, и меня после недолгих собеседований туда приняли.

Что интересно, на знание русского языка, как бы подтвердить, что я действительно могу говорить, меня тестировал работник-американец. Расспросив меня про имя, отчество и биографию, он с акцентом спросил, каких русских писателей я знаю и ценю.

Помня всеамериканскую любовь к Достоевскому, я упомянул Федора Михайловича, хотя, честно говоря, мне он всегда казался тяжеловатым. А еще Толстого и Чехова. Трудно представить, как где-нибудь в России при приеме на работу британца или американца на знание языка проверяют местные. Но здесь, в Америке, случается всякое.

Так, вызвав в душе читающего американца симпатию, я прошел интервью на «ура» и получил официальное подтверждение, что я – настоящий русский. Теперь я имел право помогать клиентам устно во время интервью и переводить на английский их паспорта и свидетельства о рождении.

Все американские трудящиеся считают огромную армию офисных служащих в большинстве своем бездельниками и карьеристами. Однако, несмотря на насмешки, миллионы американцев все же продолжают работать в офисах. И это понятно: в эпоху интернета на нас, «гомо бюрократикус», лежит вся бумажная мощь Америки. Одной подписью или нажатием кнопки на компьютере мы можем закрыть магазин или банк, остановить выплаты зарплат, пенсий или льготных пособий.

В силу последнего новая работа сделала меня в русскоязычной среде Вашингтона и окрестностей фигурой достаточно известной. Хотя и ненадолго. Когда я оставил работу в CustomerService, мне передавали, как приходили какое-то время в офис русскоговорящие бабульки, передавая мне приветы и поручения разобраться в причинах неполадок с выплатой их пособий. Или с просьбой помочь перевести форму для подачи на пособия, а заодно и паспортных данных. Этим, кроме интервьюирования, я и прозанимался несколько лет, намного облегчив жизнь бабушкиных родственников и социальных работников.

В «Большом Вашингтоне» (включающем не только саму столицу, но и прилегающие к ней штаты Вирджиния и Мэриленд) русскоязычных

примерно тысяч сорок. Есть у них свои магазины, рестораны, адвокатские и риэлторские конторы, редакции газет и журналов.

Много среди иммигрантов пожилых людей за 70, для которых вся работа уже позади. Причем работа в бывшем СССР на начислении американской пенсии не учитывается. Большинство престарелых иммигрантов могут рассчитывать только на социальные программы. К ним относятся почти полное медицинское страхование в масштабе страны и месячное денежное пособие, рассчитанное на малоимущих и пожилых людей.

В качестве «собесовца» мне довелось не только проинтервьюировать сотни наших бывших соотечественников, но и посетить и посмотреть несколько домов, библиотек и клубов для наших иммигрантов. Раз в месяц меня с русскоязычным врачом-иммигрантом из местной больницы пенсионеры зазывали к себе на лекции в местную иммигрантскую библиотеку.

Народу на такие встречи собиралось немало, ведь льготы вопрос серьезный. Приходили не только пожилые люди, но и их взрослые дети, уже адаптировавшиеся в американской действительности, а заодно и внуков с внучками приводили, пока мы заседали, – позаниматься в кружках танцев, самодеятельном театре или попеть в хоре.

* * *

Форма одежды офисного работника называется «businesscasual». То есть галстук не обязателен, но брюки и рубашка для мужчин (желательно отглаженные) и юбки до колен и блузки у женщин. Перед выходными – по пятницам, даже разрешается ношение джинсов и теннисок. На ногах – любимая обувь вашингтонских бюрократов – кроссовки, вошедшие в моду в конце 80-х.

Многие работники по утрам доходят в них от станции метро до офиса, чтобы переобуться затем в парадную обувь. Поэтому часто на улицах Вашингтона можно увидеть деловых мужчин и женщин в дорогих костюмах и даже с ультрамодным галстуком, но в кроссовках.

Некоторые из моих коллег офисный стиль одежды на службе, и так не слишком тяжелый, воспринимают еще более облегченно. Работал как-то в нашем офисе один американец по имени Рэнди. Седовласый и худощавый белый мужчина лет 65. То ли наносился он галстуков в свое время до тошноты, то ли в преддверии пенсии совсем махнул рукой на приличия, но последнее лето проходил он на работе в гавайской расписной рубашке и... в шортах.

– Рэнди, – в ужасе говорил я ему, – они тебя

уволят! – имея в виду начальство. – Нигде не сказано, что ТАК в офисе можно ходить!

– Да, – отвечал мне с хитрой улыбкой Рэнди, – но нигде и не говорится, что так в офисе ходить НЕЛЬЗЯ!

Так ведь и проходил, шельмец, все лето в своих шортах. Поскольку с посетителями лицом к лицу не встречался и ничего взгляда не оскорблял.

Большинству же посетителей все равно, в шортах ты или нет, лишь бы дал им то, за чем они пришли. В работе с ними главное не сбиваться с написанного скрипта, шпаргалки по-простому. Когда я начинал, то все время носил с собой шпаргалку с вопросами интервью, переведенными на всякий случай и на русский.

Хотя на самом первом своем свидании с глухонемым клиентом, но читающим по губам, так переволновался, что перепутал «dead» (глухой. – **К.Е**) с «dead» (мертвый. – **К.Е**) и на своем английском спросил – был ли он мертвым от рождения. Опомился только когда за столом мой гость, его адвокат и мой куратор громко заржали как кони. Хорошо хоть с юмором клиент оказался, а то мое первое интервью могло бы стать и последним.

На моей памяти за все время работы уволили в первый год только одного типа, который заснул за столом во время интервью. Впрочем, и в этом случае он, наверное, мог бы сослаться на состояние здоровья, если бы не было у него других косяков. А так как к начальству на него бегали жаловаться другие сотрудницы, то решили от него избавиться.

Если же работник выдержит испытательный срок, то уволить его, даже при всем желании начальства, будет очень непросто. Так как с этого момента за него весь Трудовой кодекс США. И работник может обжаловать спорное решение вплоть до Верховного суда страны с выплатой всей удержанной зарплаты плюс компенсация за моральный ущерб. А начальству потом наемкнут, мол, сами виноваты, вовремя не избавились!

* * *

Если бы у государства было достаточно денег, то льготы давали бы всем. Но так как бюджетных средств на «социалку» всегда не хватает, приходится нам, работникам соцстрахования и обеспечения, многим из посетителей отказывать. И за это выслушивать оскорбления, а иногда и угрозы.

Пришел как-то на интервью мужичок в ковбойской шляпе. Это в Техасе такие шляпы носят везде, а здесь очень немногие. После короткого интервью, разузнав, что у мужичка есть какие-то сбережения и даже две машины, я ему объявил, что на социальную помощь он претендовать не

может. Так как программы те рассчитаны больше на совсем неимущих или очень малоимущих. Мужичок мою отповедь выслушал, поинтересовался происхождением моего акцента и, поднимаясь с места, произнес вместо прощания:

– Как получилось, что в офисах так мало настоящих американцев и всю работу отдали приезжим иммигрантам? Немудрено, что и льготы все у нас отобрали!

Я бы мог, конечно, ответить ему, что «коренные» американцы как-то не хотят устраиваться на подобные нервные нелегкие работы, оставляя эту «привилегию» приезжим. Им видать нужно денег много и сразу, а уж если работу, то с офисом и личным шофером. Например, каждое лето через наш офис проходило немало молодых парней из Сербии, России, Турции, получавших номера социального страхования для сезонного трудоустройства. В основном на позиции официантов или спасателей в бассейнах. Когда-то эти работы были нарасхват у местной молодежи, вчерашних выпускников школ перед поступлением в колледжи и университеты.

Сейчас подавляющее большинство принадлежит иммигрантам. Про озеленительные работы и чистку улиц я уже и не говорю: их прочно захватили легальные и нелегальные иммигранты из Мексики, Сальвадора, Гватемалы и других южноамериканских стран.

Да только не стал я ничего говорить. Потому что подобные реплики выслушивал не впервые. Это еще не самое грубое, что мне доводилось слышать. Бывало, что и к психиатру советовали обратиться. На слуху были случаи, когда наших рабочих во время интервью не только оскорбляли, но и плевали в них, пытались ударить и т.д. Однажды под конец рабочего дня в наше окно даже влетел с улицы булыжник, брошенный очередной горячей головой, получившей отказ на льготы. Слышал я и об угрозах клиентов встретить кого-нибудь из наших сотрудников после работы. Прямо как в средней школе когда-то.

Охранники наши обязательно раза два-три в неделю какого-нибудь не в меру разошедшегося клиента за руки на улицу выводят. А то и передают полиции для успокоения. Для таких буйных голов созданы «черные списки», провинившимся запрещено появляться в офисе без социального работника или адвоката.

В свое время нам было строго запрещено начальством держать на столе любые острые предметы, вплоть до шариковых ручек. В конце концов, дело дошло до того, что каждый стол превратили в кабинку, отгороженную от посетителя толстым стеклом.

Хотя большинство клиентов абсолютно нормальные и вежливые люди, несмотря на свою нищету или болезни. Многих из них я за несколько лет работы в конторе стал узнавать в лицо или по именам. Так как

появлялись они у нас в офисе по крайней мере раз в месяц, а иногда и чаще, если теряли свой чек на социальное пособие. Среди них и живущие в юго-восточной части города, так называемых «прожектах», и очень много просто бездомных.

Нищих и бездомных стало в Вашингтоне особенно много в конце 80-х, когда закрыли местный психиатрический госпиталь Святой Елизаветы. Там лечились многие малоимущие пациенты, страдающие психическими заболеваниями. Денег на их лечение у городских властей оказалось недостаточно, и клинику почти полностью распустили.

Несмотря на лишения и нужду, вашингтонские попрошайки считаются одними из самых вежливых в стране. Если не получают денег, все равно пожелают хорошего дня и пойдут дальше. В Филадельфии, для сравнения, когда я отказал нищему, тот сильно обиделся на меня и начал склонять меня по материи. А в Мемфисе, штат Теннесси, бродяги могут и с кулаками наброситься при отказе дать им немного мелочи.

– Эй, парень, – как-то обратился ко мне чернокожий мужик лет сорока, – у тебя отличная походка! Сразу видно, что ты вырос на улице!

Я, конечно, не модель, но от таких слов немного приосанился и даже поговорил с ним. Он мне рассказал, что вырос здесь в Вашингтоне, но не в центре, а на бандитских окраинах юго-востока. В юности был членом подростковой банды и много дрался с такими же парнями из соседних дворов. Сейчас вроде образумился и даже ищет по городу работу.

Я тоже вспомнил, как десятиклассником бегал в ватаге алма-атинских пацанов на «разборки» с такими же пацанами-старшеклассниками из соседней школы. А в тех «бандах» своих районных, середины 80-х, мы ходили вразвалку, как тогда говорили: «по-центровски».

Отдав на радости пять баксов своему неожиданному собеседнику – на метро до дома, как он попросил, я пошел себе дальше, погруженный в приятные воспоминания.

И, отойдя немного, опять услышал за спиной знакомое:

– Эй, дружище, я вижу, что ты вырос на улице! – дружелюбно зывал мой собеседник к пробегающему мимо пузатому, офисного вида, мужику с портфелем. – Я это вижу по твоей походке!

* * *

По своему опыту проживания в трех странах я бы определил все страны как мужские и женские. И дело не в окончаниях названий, а в

том, кто задает тон и влияет на ритм деловой, культурной и социальной жизни.

По моему, сугубо личному мнению, Америка стала женской страной, функционирующей в первую очередь для женской половины населения. Начавшись лет 60 назад, феминистическое движение набрало силу и преобразило страну. В первую очередь, столицу и другие крупные города. Даже по численности женщин в США на четыре миллиона больше, чем мужчин. Права женщин, их продвижение по службе, образование, безопасность защищены здесь лучше, чем в любой другой стране мира. Подтверждением тому и факт выдвижения женщины на пост президента страны.

Ну а в офисной жизни женщин подавляющее большинство. По крайней мере, в конторах наподобие моих. По приезду я даже гадал, куда подевались белые мужики? Неужели все они сидят в банках, адвокатских конторах, парламентах, военных и разведывательных министерствах? Похоже, что да, плюс огромное число «айтийшиков», большинство которых тоже составляют мужчины.

Можно сказать, что деловой, образовательной и культурной жизнью Америки заправляют женщины, в первую очередь белые. Все льготы, продвижения и прием на работу негласно предоставлены им. Вторыми по правам следуют афроамериканки, коих в офисах типа нашего подавляющее большинство. Их движение за равноправие тоже началось еще в 60-х годах прошлого века. К тому времени, как я начал свою офисную жизнь, в Вашингтоне и пригородах их было процентов 80 в разных конторах, государственных и частных. В афроамериканских семьях женщина с тех пор – главный добытчик.

И уж только потом на профессиональной лестнице стоят по важности и скорости продвижения мужчины. Причем белые на последней ступеньке. А испаноговорящие и черные благодаря политкорректности повыше.

В офисной среде при обсуждении деловых качеств начальства или подчиненного нет-нет да и проскользнет упоминание той или иной этнической принадлежности работника. Когда у нас в офисе появилась молодая начальница, проработавшая до того в системе всего пять лет, вокруг пошли разговоры, втихомолку разумеется, что вдобавок к своей неопытности она еще и белая. Впрочем, каждый, кто когда-нибудь побывал «офисным планктоном», знает, что подобные разговоры ведутся везде, не только в Америке.

И своего следующего повышения здесь, в американской конторе, мне пришлось ждать десять лет.

Черные тени над Белой Церковью

**Константин
ЕМЕЛЬЯНОВ**

штат Вирджиния, США

I

Тридцать лет назад случился Чернобыль. Черная Быль. Очень хотелось бы, чтобы он был лишь сном, страшным ночным кошмаром, наваждением. Чтобы можно было проснуться, отряхнуться и забыть. Но в жизни так бывает не всегда.

Конец 80-х – начало 90-х годов прошлого столетия вообще был богат на разрушения и катаклизмы, природные и рукотворные. Один развал СССР чего стоит. А прибавьте сюда землетрясение в армянском Спитаке, войну в Карабахе, события в Алма-Ате, Тбилиси, Литве, падение Берлинской стены...

Но все же пожар ядерного реактора на Чернобыльской АЭС стоит в этом ряду особняком. Да и случился он одним из первых, когда вся остальная жизнь еще казалась нормальной.

Кстати, и лето свое я тогда планировал провести несколько иначе. Но случилось то, что случилось, и встrepенулись все. Тогда еще страна воспринимала чужую боль как свою, независимо от того, где несчастье произошло: на Украине, в Закавказье или Прибалтике.

Для пострадавших жителей вдруг возник острый, как лезвие ножа, вопрос: а жить-то теперь где?

Сотни километров отрезаны были теперь от людей и вмещали в себя тысячи брошенных домов и квартир, оставленных ночью или ранним утром, впопыхах, и еще хранивших человеческое тепло, запах забытой еды на плите, недочитанные книги, недоделанные школьные уроки, незаправленные постели и все то, что принято называть человеческим скарбом.

Несмотря на прорыв радиации и пожар, грозящие облучением и смертью, люди из своих домов уезжать не хотели. Старики плакали: «Мне что тут умирать, что там». Кому-то власти ввали, говоря, что уехать-то надо всего на три дня, а там все наладится и вернетесь! Наладилось...

Кого-то даже силком втаскивали в уходящие из зоны ежечасно автобусы. Большинство эвакуированных разместили по дере-

венькам и поселкам, лежащим вблизи Киева. Домов катастрофически не хватало на всех беженцев: одну хату делили между собой четыре семьи. Вопрос жилья за одну ночь стал вопросом жизни или смерти.

Со всех республик на Украину в то лето мчались добровольцы-строители, включая и студентов. В начале июля 1986 года отправились туда и мы – студенческий строительный отряд Казахского государственного университета. Все как один – добровольцы.

Никого насильно в отряд не тащили, для этих целей существуют в вузах осенние сельхозработы. Пробыли мы там чуть более двух месяцев, в местечке недалеко от деревеньки Белая Церковь, в окрестностях Киева. От Чернобыля Киевская область – ближайшая на карте. Сто восемьдесят километров с гаком – от Киева до самой АЭС. Между Белой Церковью и Киевом – восемьдесят шесть. Зовется она так по преданию: когда-то, давным-давно, татаро-монголы спалили на этом месте крепость Юрьев, построенную самим Ярославом Мудрым в 1302 году. Со всего пепелища уцелела лишь белокаменная церковь, стоявшая на местном пригорке. Как отстроились и разбили врагов, порешили назвать городок Белой Церковью, в память о спасительнице.

В 1918 году, сразу после Первой мировой войны и в начале Гражданской, отсюда начал свой победоносный, но недолгий поход на Киев гетман Скоропадский.

Во время Второй мировой – Отечественной, с момента оккупации немцами до прихода Красной армии, здесь действовали десятки подпольных ячеек всех мастей, коммунистических и националистических, шалили в лесостепи партизаны.

К июлю 1986 года, когда наш стройотряд студентов-казгушников примчался сюда на восстановление и строительство жилья для эвакуированных, городок был всего лишь одним из многих обычных, неброских районных центров Киевской области.

За время, проведенное здесь, с июля по сентябрь, мы построили три жилых одноэтажных дома (полностью, от фундамента до крыши) для беженцев из Припяти, несколько детских площадок, возвели и покрасили вокруг поселка деревянный забор да еще разгрузили множество вагонов и грузовиков с продуктами и стройматериалами. О заборе нужно сказать особо, и я к нему еще вернусь.

Отряд добровольцев набирался не просто. Хоть и знали все мы, что едем не пожар на реакторе тушить (а были и такие стройотряды!), а строить дома для беженцев, сомнения и страх владели тогда многими. Некоторые, как говорится, соскочили с подножки в последний момент, передумав.

II

У тех, кто остался и кто поехал, тоже были разные причины. Одни поехали, увлеченные романтикой и героизмом ситуации. Они искренне хотели помочь пострадавшим и почувствовать себя героями. Другие догадывались, какие деньги были брошены страной на восстановление, и также искренне хотели заработать. В то старое доброе советское время за два месяца стройотряда можно было заработать больше, чем все стипендии за пять студенческих лет. Третьи поехали, понимая, какая головокружительная карьера может открыться им после внесения в их личные дела всего нескольких строчек: «Участвовал в восстановлении народного хозяйства СССР после аварии на Чернобыльской АЭС». И ведь действительно, многие после тех событий стали стремительно расти по комсомольской, партийной и профсоюзной линии, не зная, впрочем, о том, что и комсомолу, и партии, да и всему Советскому Союзу осталось жить немногим больше пяти лет.

В нашем отряде КазГУ большинство бойцов были ребята с юридического факультета. Крепкие парни, многие из деревень и аулов, почти все отслужившие в армии. Несколько человек вернулись, повоевав в Афганистане. Тогда на них смотрели как на живых героев, им по-хорошему завидовали. Теперь же, поехав помогать восстанавливать регионы, пострадавшие после Чернобыльской катастрофы, они становились как бы героями вдвойне.

Помню, как на территории стройки висели на столбах и фонарях громкоговорители. Из них часами, на протяжении рабочего дня и всего времени, что мы были там, вперемежку с патристической музыкой вещал наш тогдашний Генеральный секретарь.

А в числе первых пяти квартирьеров от нашего отряда приехал на неделю раньше остальных и наш комиссар – комсомольский университетский активист. В любом стройотряде всегда нужны плотники, штукатуры и каменщики. А вот активисты комсомольские, тоже ездившие на стройки тогда, в основном в качестве комиссаров и политработников, они-то зачем? Тем более у нас ни агитбригады, ни стенгазеты не было в то лето. Даже святая-святых стройотряда – кухни своей мы не имели. Слишком уж специфический был наш отряд, прилетевший на крыльях Аэрофлота за три тысячи километров на киевскую землю. Жили на всем готовом, но и пахали от зари до зари, по двенадцать часов шесть дней в неделю, без отвлечений и развлечений.

Так вот, квартирьеры. Что требовалось от них, прибывших за неделю до основной массы сту-

денческого стройотряда? Разбить палатку, где бойцы будут жить, выбить на складе белье, материалы, спецодежду, подготовить бойцам будущий фронт работ, договориться на кухне и т.д. В советское время число квартирьеров в любом отряде составляло процентов двадцать – двадцать пять от общего количества бойцов. На месте нашей будущей строительной площадки стояла в Белой Церкви груды шлакоблоков, которую и пришлось нам, квартирьерам, тогда вручную разгребать. А было нас всего четверо.

Ну что делать, в других отрядах квартирьеры даже фундамент заливали под будущие домики, а потому мы, засучив рукава, как волки бросились на эту груды. Помню, все мы по два-три шлакоблока больших берем и несемся к самосвалу, а комиссар наш – по одному, размером не очень, и так не спеша волочит его... То ли показались шлакоблоки ему слишком тяжелыми, то ли подустал он, то ли не такой представлял себе долю комиссарскую, но через полчаса пропал он куда-то. Пришлось нам ту кучу без него разгребать. Да и потом я его на стройке нечасто встречал. Только разве что в столовой и вечером в лагере.

Был еще среди нас один бывший «афганец». Вечером он хорошо так, под гитару, пел песни про маму, погибших бойцов и девчонку, не дождавшуюся солдата. Еще умел истории рассказывать про быт тот далекий, фронтовой и для всех нас загадочно-волнующий. А утром на стройке тот парень часто ругался с бригадиром нашим на тему: почему он должен за всех работать и почему ему не могут, как герою, дать работу не такую изнурительную. Нередко видели его и в медпункте, куда он приходил, жалаясь на боли в животе, голове или еще где. Кто-то из ребят потом между собой говорил, что вроде и в Афгане он пробыл всего полгода, а потом его комиссовали по медицинским показаниям. Правда ли, нет ли – утверждать не берусь.

Хотя, повторюсь, большинство ребят были нормальные. Без апломба и пафоса, спозаранку встающих, на ходу глотающих завтрак и вкалывающих от рассвета до заката, шесть дней в неделю, кроме воскресенья.

Моя койка в палатке стояла рядом с койкой еще одного активиста. Звали его Валихан. Казах, как и большинство бойцов из отряда, но не деревенский, из аула, а городской, практически обрусевший. Симпатичный паренек с быстрым и цепким взглядом черных умных глаз. Как раз из той породы активистов, из которых «лепили» тогда кадры партийные и университетские комитеты не только вуза, но и города, области и даже республики. Строительного опыта у него было, может, чуть побольше, чем

у меня, но язык был подвешен хорошо и мог он и за своего сойти среди простых ребят-работяг, и у начальства нашего отрядного. Обладал он чутьем говорить то, что от него ожидали окружающие, в зависимости от обстоятельств, в которые он попадал. Будь то слог высокий, зовущий людей на подвиг, или же шутка непристойная, но к месту сказанная.

Мне, кстати, с ним было общаться легко. Нравился его веселый цинизм, какой бывает у неглупых комсомольских активистов, понимающих, что все фразы громкие на митингах и собраниях – это вранье. По крайней мере, со мной он не играл в Павку Корчагина, а был самим собой – честолюбивым, но неглупым и веселым карьеристом. Валихан поехал в стройотряд как раз для того, чтобы делать карьеру, и, кстати, впоследствии он ее сделал, став то ли секретарем, то ли первым замом секретаря «малого» комитета на факультете.

Позднее он вырос до освобожденного комсомольского работника в алма-атинском горкоме комсомола. С развалом Союза, партии и комсомола он, как и многие бывшие «комсюки», ушел в бизнес, пропав из поля моего зрения. Кстати, наш Генеральный секретарь КПСС, а позднее и первый союзный президент, тоже получился именно из такого материала, как мой приятель и сосед по палатке.

Рабочий день начинался у нас не позже семи утра, а заканчивался после восьми вечера, нередко с наступлением сумерек. Когда приходили вечером домой, в лагерь, где стояли палатки нашего и других студенческих отрядов, немногие, типа меня, просто падали в одежде на кровать, обессиленные, и тут же «отрубались» до следующего утра. Остальные же, армейская кость, умывались, стирались, брились, писали письма да еще умудрялись посидеть с гитарой немного, попить доморощенного чаю в ожидании отбоя. В качестве выходного дня нам отдали воскресенье, только назывался он банно-хозяйственным, опять же как в армии.

По соседству с нами жили студенты из Львова и Хмельницкого, так мы с ними даже в футбол в одно из воскресений играли. Хотя большими друзьями мы в то лето на Украине не обзавелись. Львовские и хмельницкие студенты к нам, прибывшим из Средней Азии, относились абсолютно равнодушно, в гости не напрашивались и к себе не приглашали. Меня и еще несколько русских парней (на 80 процентов наш отряд был составлен из студентов-казахов, но были в его составе татары, уйгуры, чеченцы) вообще называли «кацапами» и «москалями», за глаза, конечно, но так, чтобы мы об этом знали.

III

Работали мы, как я уже говорил, шесть дней в неделю, кроме воскресенья. Хотя была одна суббота – выходная. Когда строительство домов уже почти перевалило за половину, наше начальство устроило нам праздник – достало билеты на футбольный матч чемпионата страны между местным киевским «Динамо» и нашей алма-атинской командой «Кайрат».

В тот день, субботу 2 августа, мы отработали до обеда и после столовой бросились в палатку – прихорашиваться. Хотя из парадной одежды была у нас одна лишь зеленая форма бойцов стройотряда. Погрузившись в автобус, поехали в столицу Украины, наслаждаясь нежданно выпавшим счастьем и предвкушая матч. Провезли нас опять по Крещатику, вплоть до высотной гостиницы, где жили алма-атинские футболисты. Спасибо комиссару и командиру отряда, они даже встречу нам организовали с игроками, после которой кайратовцы подарили нам надписанный ими футбольный мяч. Пока оставалось время, еще поехали по городу, посмотрели на работу поливальных машин.

Погода стояла в Киеве тогда замечательная, настоящее лето, зелень, улицы выглядят нарядными, хотя народу, по известным причинам, на улицах было немного. Детей вообще я почти не видел на улицах и возле фонтанов, где так любит возиться летом малышня.

Незадолго до этого исполнился год «сухому закону», проведенному партийным высшим начальством страны. Достать спиртное можно было только с боем отстояв километровую очередь возле магазинов или переплатить вдвое-втрое барыгам-спекулянтам, постоянно ошивавшимся там и заманивавшим потенциальных клиентов.

Видели мы толкучку, переходящую в потасовку возле выдачи спиртного, когда пытавшихся пролезть к прилавку без очереди били чуть ли не всей толпой. Шутка ли, за одну бутылку «беленькой» при цене 5-6 рублей перекупщики брали 10–12 рублей. Тем, у кого таких денег не было, приходилось часами стоять в очередях и локтями и плечами, прижав драгоценный груз к груди, пробиваться на волю. Так как была суббота, да еще перед футбольным матчем, то все мужское население столицы Украины коротало таким образом оставшееся до игры время.

Еще до того как попасть на огромный, как космический корабль, республиканский стадион «Динамо», вмещающий до ста тысяч мест, мы услышали гул, напоминающий звук стартующей ракеты. Это разминались динамовские болельщики – фанаты,

оголтелые любители футбола и местной команды, известные своей агрессивностью и непримиримостью к другим командам. Вот и сейчас со стадиона, заполненного лишь на четверть в тот вечер, из тысяч луженых глоток несло:

*Тихо плещется бухло
В трехлитровой банке!
Предназначено оно
К чемпионской пьянке!*

Киевское «Динамо», победившее тогда, кстати, в союзном чемпионате, шло к своей победе твердо и уверенно. Одних соперников за титул – ленинградцев, оно разгромило в гостях со счетом 3:0, других, по-моему, торпедовцев Москвы, победило у себя дома вообще с хоккейным счетом 5:3. А какие имена звучали тогда на стадионах! Блохин, Заваров, Беланов, Демьяненко. Что ни имя, то легенда советского футбола! Все они составляли костяк и сборной Советского Союза на недавно отшумевшем чемпионате мира в Мексике. Блохин вообще в тот вечер играл свою четырехсотую игру на союзном чемпионате. Под стать своим «звездам», уверенно и нагло, вели себя и киевские фанаты, называя своих главных конкурентов – команды Москвы и Ленинграда – пренебрежительно «кротами» и «мясниками»:

Наш «Динамо» лучший клуб!

Это знают все вокруг!

Все команды победим!

Три очка не отдадим,

– ревели трибуны напротив нас, где уселись желто-голубые. Они вообще не замолкали ни на минуту на протяжении всей игры. Хотя наш алма-атинский «Кайрат» был тогда очень крепким середнячком в высшей лиге чемпионата СССР и даже месяцем спустя все-таки побил динамовцев дома, в Алма-Ате.

Но в тот вечер, в Киеве, удача была на стороне хозяев. Они вкатили нашим «банку» незадолго до конца первого тайма. За две-три минуты до свистка первым к мячу подоспел белообрый киевлянин Михайличенко и добил отскочивший мяч в сетку ворот. Этот юркий хлопчик – «Миха» или «Михалыч» – вообще тогда был на подъеме.

Что тут началось! Местные болельщики заголосили еще больше, речевки и песни полились сразу на двух языках, а от динамовских желто-голубых флагов зарябило в глазах. Началась самая настоящая массовая истерия, продолжавшаяся весь перерыв.

Справа от нас их колонна уходила с трибун, распевая:

*Идет фанат по городу, по незнакомой улице,
И от цветов динамовских вся улица светла!..*

Другая колонна, помоложе и позадиристее, вопила, перегнувшись через перила трибун и ожесточенно размахивая флажками:

Вместе весело шагать

По болотам,

По болотам,

С пулемее-е-том!

А коронное «Динамо с Днепра!» с последующими ритмичными хлопками тысяч рук вообще полностью оглушили нашу бедную и маленькую группу поддержки казахстанской команды, притулившуюся маленьким островком цвета вылинявшей защитной стройотрядовской формы в бесконечном желто-голубом океане.

Нам бы могли, при другом раскладе, даже морду попытаться набить. Но «Динамо» в очередной раз уверенно побеждало, да к тому же шарфами и флагами цветов соперника мы не размахивали и речевок дикими голосами не голосили. Так что, посчитав нашу группу просто недоразумением, невесть как здесь оказавшимся, киевские болельщики нас в тот вечер благосклонно проигнорировали.

Мы, правда, пытались тоже что-то кричать про «Кайрат» – чемпион!», особенно во втором тайме, когда игра стала равной и наши игроки неожиданно зажали хозяев в их собственной штрафной площадке. Но, покричав, тут же осеклись. Игру «Кайрат» все-таки проиграл, пусть и с минимальным счетом, оказав достойное сопротивление.

На обратной дороге в автобусе мы долго еще обсуждали перипетии матча, поочередно держа подаренный «кайратовский» мяч и гадая, какое место займут наши футболисты в чемпионате. О том, что киевское «Динамо» станет чемпионом в этом году, не спорил никто. Приехали в лагерь затемно, ближе к полуночи, когда соседи-украинцы уже залегли, отшумев и закончив отмечать победу. И нам было не обидно. Заканчивалась такая необычная и замечательная суббота, завтра намечались воскресная баня и чистка, а значит, не нужно было идти на работу.

IV

– Раствор!

– Эй, молодой, давай тащи раствор! Кирпич стынет!

Молодой – это, стало быть, я. Действительно, будучи всего лишь девятнадцатилетним и совершенно неопытным в стройотрядовских делах, был я определен на работу тяжелую и не такую почетную, как, скажем, каменщик или штукатур. А именно – разнорабочим. Или подносчик-подбросчик, в пер-

вую очередь раствора – цемента, смешанного с водой до вязкой массы, и без которого кирпич просто не удержится на возводимой стене.

– Ну, ты че там, заснул? Тащи раствор!

Это бригадир нашей семерки, этакой мини-бригады, на которые был разбит весь отряд. Каждой бригаде отвели фронт работ и дали по дому, который надо было построить. Так вот нашим бригадиром был парень с юрфака по имени Булат, или просто Була. Лысоватый, худощавый, жилистый, выросший на селе и отслуживший в армии, Булат был в отряде и среди нас признанным авторитетом, будучи старше всего лишь на каких-нибудь пять лет всех остальных, а меня – лет на семь-восемь. Похож он был, скорее, на сельского учителя химии или математики, чем на будущего юриста или же строителя. Но, переведшись с заочного, он проработал не одно лето в студенческих строительных бригадах и возвел не одну кошару в Нарынкольском районе Алма-Атинской области. Так что мастерком каменщика и молотком плотника Булат владел в совершенстве. А еще был он как былинный Алдар-Косе из казахского фольклора, дурачивший визирей и ханов и обманывающий их в пользу бедняков, очень язвительный, иногда прямо едкий, и на язычок ему старались не попадаться... Он даже на мой счет прохаживался для начала, чем доводил меня в первые дни до бешенства. Я, помню, даже орал ему, что я не мишень для его приколов, и пытался уходить. А куда ты денешься с подводной лодки, то есть со стройки? Вот и приходилось, стиснув зубы, терпеть это хулиганство. Впрочем, вскоре Булат насмехаться надо мной перестал, видимо, надоел я ему, да и таким острякам постоянно нужны новые «цели». Какими, к моему большому облегчению, вскоре стали другие бойцы, а вслед за ними – и наш комсомольский комиссар. Однако шутить над комсомольским начальством надо было осторожно во избежание неприятностей по возвращении, ибо всем известно, что злопамятнее комсомольских начальников могут быть только очень ревнивые жены. Но так или иначе, после первых притирок мы с Булатом зажили мирно до самого конца строительной эпопеи.

Под стать ему, только намного спокойнее, был другой мой товарищ по бригаде по имени Мурат, или Мура. Коренастый, смуглый, флегматичный, с жесткой копной непокорных черных как уголь волос, был он также сноровист и умел на стройке и, похоже, интересовался и думал только о двух вещах.

Первой его заботой и гордостью были усы, растянувшиеся тоненькой изящной ниточкой над верхней губой. Как бы ни уставал он после смены, а выматывались мы после двенадцатичасового рабочего дня ужасно, Мурат всегда находил хотя бы пару

минут, чтобы пригладить, подровнять свою гордость и богатство, всегда нося в кармане специальные ножницы-щипчики и маленькую расческу.

Другой проблемой, постоянно занимавшей Мурата, было возможное воздействие чернобыльской радиации на его мужские способности. Дело в том, что в Алма-Ате, в общежитии, осталась у него подруга. Звали ее Гульнара, и была она против этой поездки именно по той самой причине. Однако Мурат подругу не послушал и поехал в стройотряд на Украину, уверяя Гулю, что с его мужским началом ничего плохого случиться не может. Хотя самого его подобные сомнения все же терзали. Как и всех нас.

Мы же совершенно тогда не представляли, куда мы едем и что с нами может случиться. Знали только, что не реактор тушить едем, а строить жилье для эвакуированных из зоны. Между тем слухи вокруг ходили разные, в том числе и на строительной площадке. Ежедневно, просачиваясь из утренней болтовни домохозяек на рынке и в очередях Киева, полуденных разговоров дальнотбойщиков и проводников и прочего народного «телеграфа».

Говорили, что в самом Киеве вся партийная знать уже вывезла семьи и детей своих как можно дальше от опасной зоны, а сама сидит на чемоданах и готова «рвануть» в любой момент. Говорили, что ветер понес облака радиации на соседей по Европе и те готовы стрелять по ним (облакам) из специальных пушек, чтобы повернуть их обратно на Союз. Слышали мы также байки, как будто вся радиация, принесенная из зоны АЭС, оседает на верхушках деревьев в окрестных лесах, поэтому ни в коем случае нельзя ходить в лес и упасы господь приносить из этих лесов ягоды и грибы.

Возле стройки, кстати, росла небольшая сосновая рощица, которая, в силу этих слухов, была абсолютно пустынная и даже зловещая какая-то. Даже «отлить» бойцы старались вне этой рощицы. Даже птицы, казалось, не залетали туда и вороны не устраивали своей обычной свары по утрам. А как-то вечером, в сумерках, при возвращении с работы померещились мне какие-то неясные черные тени в глубине той заброшенной рощицы. Скорее всего, просто обман зрения, хотя кое-кому из отряда они тоже привиделись, но уже над верхушками поникших деревьев.

Так вот, Мурата размолвка с подругой и последствия радиации на свое половое развитие слегка напрягали. После долгих раздумий он вдруг начал изливать нам душу, обещая, что по приезде так «даст прикурить» этой Гульке, что она ни о чем другом и думать не будет. Монологи эти обычно завершались клятвой, что потом-то они точно пожениятся и будут жить долго и счастливо, растя обильное по-

томство (по меньшей мере трое, а желательно шестеро-семеро детей обоих полов). А за обедом и ужином мы, настроенные монологами Мурата на определенную волну, обычно просили двойную порцию сметаны, повышающую, по студенческим приметам, мужскую потенцию. Кстати, все страхи оказались напрасными, так как, прилетев домой в Алма-Ату, мы первым делом проверились на уровень радиации. И с облегчением узнали, что он не превышает средний алма-атинский.

Еще у нас в бригаде был русский парень Алексей, Леха. С философско-экономического факультета. Тихий, спокойный, тоже бывший армеец. Сначала мы с ним таскали раствор на носилках, когда каменщики еще только начинали укладку шлакоблоков или кирпичей над фундаментом будущего дома. Потом, когда каменщики начали «расти» вместе со стеной, мы разделились и для быстроты стали таскать по отдельности, ведрами. На каждого из нас, разнорабочих, приходилось, в лучшем случае, два, в худшем – три каменщика, которых надо было вовремя обслужить. У каждого из каменщиков – свой любимый мастерок. Благо что бригада несла ответственность за инструмент и на ночь запирала его в командирском вагончике. Так что мастерки друг у друга не воровали. Можно было еще ножом или гвоздем нацарапать на рукоятке малюсенькие инициалы или ручку изолентой как-то хитро обмотать.

Так или иначе, работа шла споро, и вскоре мы уже доставляли ведра с раствором, поднимая их на высоту своего роста, которое Мурат, Булат и другие ребята-каменщики у нас перехватывали. Пока отнесешь ведро одному, уже второй просит раствора, и ты бежишь к «песочнице», набираешь лопатой чавкающую вязкую массу и так же быстро несешься обратно. На ночь раствор старались в «песочнице» не оставлять, чтобы не застыл к утру и не пришлось бы его долбить лопатой. Хороший каменщик раствор бросает на глаз ровно столько, чтобы кирпич на стене замертво закрепить и излишек по той стене не размазать. Если на одной площадке попадется два или более квалифицированных каменщика, ни один из них ни за что не допустит, чтобы кто-то другой возвел стену раньше, чем он сам.

В результате такого «соцсоревнования» у меня и других подносчиков уже к обеду гудели руки и спина, а ладони были истерты ручкой ведра в кровь. Несмотря на строительные варежки. К концу первого месяца те раны зарубцевались и превратились в коричневые, жесткие и абсолютно бесчувственные мозоли. Когда же мы, за день наслушавшиеся: «Давай раствор!», может быть, десять тысяч раз, уже шли на построение и потом в столовую и домой, наши каменщики все равно

задерживались еще на пять-десять минут на площадке после нас, проверяя ровность стены и очищая инструмент для завтрашнего утра.

В трусах бегать по стройке даже в дикую жару в эпоху позднего развитого социализма и ранней перестройки категорически запрещалось, но верхние рубашки-майки-спецовки срывали в разгаре рабочего дня все. Хорошо хоть не обгорали сразу на украинском солнце, как на алма-атинских водоемах, а поджаривались медленно и равномерно. И, несмотря на жару, духоты не было, будь то раннее утро, полдень или вечер.

Парень Алексей был немногословный и больше, казалось, просто слушал, чем говорил. Или думал о чем-то своем. На перерыв-перекур любил он уходить за стройку, в степь, простирающуюся перед деревенькой, и долго сидеть там, размышляя и покусывая травинку.

Впрочем, долго перекуривать нам не давали, работа подгоняла, а вот на обед начальство выделяло целый час! Приезжал специальный грузовик с едой, в вагончике, где сидело начальство стройки, румяные украинские поварахи накрывали длинный стол, и начиналось пиршество!

Кормили нас, помню, очень хорошо, особенно за обедом и ужином. Украинский густой и вязкий борщ с плавающими в нем большими кусками отварной говядины, огромные котлеты «по-киевски» (с начинкой) на тарелке с картофельным пюре, сладкий, наваристый компот из свежих фруктов, да и много чего еще.

Ели от пуза, и добавки можно было брать сколько влезет. Выходили из вагончика покачиваясь и валялись прямо здесь на траву, уставившись в бездонное, глубокое украинское небо, восстанавливая силы для послеобеденного броска, который продолжался вплоть до наступления темноты.

V

Создание нашего строительного отряда было, как известно, вызвано обстоятельствами чрезвычайными: Чернобыльской трагедией. Дома для беженцев нужно было возвести как можно быстрее – до наступления холодов – значит, до конца сентября. Потом дата изменилась: объекты надо было сдать к первому сентября, чтобы дети эвакуированных чернобыльцев могли пойти вовремя в школу, как миллионы других советских детей. Именно по этой причине не был наш студенческий отряд обычным ССО в его привычном понимании. То есть работа на износ в течение двенадцати часов была, как и у таких же от-

рядов, что вкалывали на строительстве кошар, коровников и ферм в сельских районах Нарынколь и Кегень Алма-Атинской области, а вот песен у костра, танцев и драк в местном клубе не было.

Ребята из хмельницкого или львовского стройотрядов еще проводили КВНы, и агитбригады у них были, дававшие концерты перед местными жителями. Может, потому, что были они почти у себя дома и такого, как у нас, комсомольского прессы над ними не было.

По всей стране в то советское время председатели совхозов выбирали, кого взять к себе работать на лето: студенческие отряды или «шабашников», состоящих из профессиональных строителей, разъезжающих по областям в погоне за «длинным» рублем. Чаще всего выбор падал в пользу студентов, так как, помимо работы, они еще и несли культуру в массы деревенского народа. В нашем отряде никакой агитбригады не было.

Еще одно принципиальное различие с другими ССО было в отборе и одобрении кандидатур бойцов и начального состава в наш КазГУшный отряд.

В основе любого отряда лежит хозрасчет и самоуправление. Самый первый студенческий стройотряд был создан в 1959 году, в разгар целинной кампании, на базе физического факультета МГУ. Сам Хрущев, узнав об этом, наложил резолюцию: «Думаю, дело хорошее. Надо поддержать».

Так вот, командиров, комиссаров и мастеров в большинстве ССО 60-80-х годов выбирали-назначали в добровольно-принудительном порядке из числа самих студентов. Бригадиром звеньев становились чаще всего старшекурсники, уже отработавшие пару лет и нажившие хорошую трудовую и административную школу. А рядовых строителей набирали из первокурсников, рвавшихся подзаработать после летней сессии.

В нашем отряде первокурсников не было категорически: как морально не созревших для такого ответственного комсомольско-партийного задания.

Шутка ли, на кону стоял не только престиж университета, а всей республики! Кандидатуры бойцов отбирались и одобрялись только «большим» комитетом комсомола КазГУ по ходатайству факультетских «малых» комитетов. Кандидатуры командира, комиссара и мастера ушли на одобрение в заоблачные дали ЦК ВЛКСМ Казахстана.

До сих пор гадаю, как мне, не служившему в армии, не нюхавшему порошу второкурснику факультета журналистики, удалось попасть в тот отряд. Особенным комсомольским задором я тогда не горел. Правда, был комсоргом своей группы, коим меня с ходу назначили после колхоза на абитуре. Издавал факультетскую стенгазету, собирал взносы.

Строительного опыта у меня практически не было, не считая пребывания в факультетском ССО на территории нашего студенческого университетского городка летом 1985 года. Где мы были, в основном, заняты благоустройством КазГУграда, напомиравшего захламленную строительную площадку. Нас возили на автобусах на окраину города Алма-Аты, где мы убирали строительные завалы, помогая городскому СМУ (строймонтажуправление).

Отряд состоял из трех парней и двадцати девчонок. Убрав кое-как мусор, мы лишь слонялись по стройке или перекуривали часами в тени деревьев. Видя, как мы «убиваемся», строители даже частушку про нас сочинили неприличную:

– Мы, студенты из КазГУ,
Нам работа по фигу!

Наши девчонки сильно на это не обижались и сами тоже вносили посильную лепту в народное песнетворчество:

КазГУградские девчата
Ох какие модные!
Гвоздем кудри завивают,
Говорят – природные.

И вот спустя лишь год я оказался в окружении настоящих стройотрядовских «волков», где на частушки, агитбригады и перекуры времени и сил просто не оставалось. Практический опыт работы в настоящем ССО приходилось наверстывать на ходу.

Добавьте сюда ощущение приезжих из сравнительно благополучного тогда, в 1986 году, региона страны, когда нас впервые провезли на туристическом «Икарусе» по малолюдному Киеву.

Школьный год тогда завершился в столице Украины почти на два месяца раньше – сразу после майских праздников детей развезли по пионерлагерям и санаториям, подальше от греха. Каждый час по проспектам, типа Крещатика, и другим улицам проезжали поливальные машины, обильно смачивая их водой. Считалось, что радиацию разносит пыль, и с помощью «поливалонок» ее пытались прижать к земле.

Может быть, отчужденность наша, чужеродность на той украинской земле и помогли нам сосредоточиться и закончить то, зачем приехали сюда?

Находились мы под тяжелым моральным прессом ЦК ВЛКСМ Казахстана. За каждым из нас, включая командира-комиссара, наблюдали, как говорится, «в микроскоп», а любое нарушение дисциплины в отряде привело бы к немедленному отчислению из отряда и отправке домой.

После этого – исключение из комсомола и, как тогда бывало, потеря студенческого билета. Такое давление было.

Но ведь и семьи наши были в безопасности, за тысячи километров отсюда, чего нельзя сказать о бойцах украинских стройотрядов.

VI

Прошел июль и половина августа – на Украине месяца, в прямом смысле, предосеннего. Вслед за сентябрем уже приходили холода и снег. По ночам июльская прохлада сменялась настоящими заморозками, под утро в палатке дубеешь даже под шерстяным армейским одеялом. И даже если спишь в стройотрядовской куртке и штанах, что многие тогда делали.

Я смотрю на светящийся в полумраке циферблат наручных часов. Без пяти минут шесть. Через пять минут подъем. Вставать с каждым утром становится все тяжелее и тяжелее. Те три почти отстроенных дома все-таки отняли у нас всю молодую, казалось бы, неистощимую силу и энергию.

Не слышно уже шуток и веселья за завтраком и по дороге на стройку, как месяц назад. Молча встаем, угрюмо плетемся в столовую, а оттуда на работу. Глотаем горячую перловую кашу, запивая ее обжигающим чаем. Лица бойцов хмурые, невыспавшиеся. Как те тени черные из рощицы близ Белой Церкви.

Многие из бойцов уже даже не причесываются. Углубился в себя Мурат, перестав делиться с нами, собригадниками, планами на будущее. Как-то потускнел улыбчивый, циничный Валихан. После долгого дня на стройке мы уже не шутим тайком над всеми, как раньше, а просто обещательно молчим, отвернувшись к стене. Даже невозмутимый Булат, казалось, меньше стал едко шутить со своего наместа на возводимой стене. А немногословный Алексей все чаще и чаще уходит в степь, мрачно созерцая опостылевший местный пейзаж.

Даже наш командир отряда, всегда энергичный и веселый Юрий Владимирович, и тот помрачнел. Он уже не будит нас по утрам, как в начале смены: «Пора вставать, робяты!» Как будто детей в школу поднимает. Робяты.

Теперь он просто голову в палатку просовывает и ревет, как марал на случке, резко и злобно: «Подъем!»

Понятно, устали все до изнеможения. Уходим из лагеря затемно, возвращаемся тоже в сумерках. К тому же отцы-командиры никогда раньше нас не улаживают, обсуждая и планируя до полуночи.

Два неразлучных друга-«афганца», Баха и Шака, выжидавшие, когда начальство уляжется, чтобы пойти «погудеть» с местными разбитными девчон-

ками-штукатурками в общагу в нескольких километрах отсюда и под утро крадущиеся к палатке, сейчас еле переставляют ноги.

Похоже, нынче ни о каких девках-штукатурах они и не вспоминают.

Меня в это утро то знобит, а то и в жар бросает. Хотя температуры вроде нет. Пока. Эх, остаться бы в лагере на день дневальным! – проползает в мозг предательская мыслишка. Но нет, не могу, – уже оставался недели две-три назад. Каждый боец может дежурить в лагере только один раз за смену. Да и то отдыхом это не назовешь.

Сначала нужно подмести огромную палатку, коек на тридцать, стоящую прямо на земле, без всякого пола. Потом поменять все наволочки и пододеяльники на свежие, отстояв небольшую очередь в каптерке завхоза. Ну и, может, если повезет, помыться под краном холодной водой, побриться, постирать по мелочи, письмо домой написать или книжку почитать.

Вроде и не присел ни разу за день, а все равно как-то неудобно перед другими бойцами в момент их возвращения в лагерь. Какой-нибудь остряк, типа Булы, все равно ляпнет что-нибудь устало про «крыс тыловых». Нет уж, лучше со всеми.

Как только отстроили мы три жилых дома, их передали отделочникам. Не из нашей бригады. Местные «будивильники», то есть строители, как их здесь называют. Нам же выделили новый фронт работ, разбив большой отряд на несколько ударных групп. Кого на железнодорожную станцию Белая Церковь – разгружать целый день вагоны со стройматериалами. Кого на благоустройство только что отстроенного поселка для беженцев.

Кроме домов жилых, еще надо и площадки построить детские, скамейки поставить, забор вокруг домов и всего поселка возвести и покрасить. Меня и еще несколько человек как раз на тот забор и бросили.

Ближе к концу строительства ребята вдруг придумали: а давайте мы и забор возле поселка развернем. Какой же населенный пункт без четко очерченной границы! Не сплошной и высокий, а штакетник по грудь вышиной. Проходящий по границе всего поселка.

Причем покрасить его нужно было в разные цвета, чтобы вновь прибывшим беженцам создавать настроение. И чтобы видно его было из каждого дома! Вот и красили мы его уже почти неделю, разбив участки между тремя-четырьмя бойцами, на протяжении всего поселка. Желтый, синий, зеленый. Так мы его поодиночке красили, таская банки с краской на специальной тележке. Почти как флаг Украины.

К вечеру я прошел почти две трети своего

участка: желтый, синий, зеленый. Цвета подбирались под колер вновь возведенных домов. Забор был, если хотите, нашей визитной карточкой, нашим паролем, любовью и гордостью, что вот мы, казахстанцы, здесь были и, как говорится, от нашего дома к вашему!

Слухи пошли по поселку, что нас, как досрочно завершивших объект, направят на укрепление других стройотрядов, вкалывающих километрах в ста отсюда. Еще слухи донесли, что где-то неподалеку работает другой стройотряд из Алма-Аты – студентов архитектурно-строительного института.

Но это потом. Сначала надо закончить с поселком. И докрасить-таки этот долбаный забор. Желтый, синий, зеленый...

Ночью была гроза, прошел короткий, но очень интенсивный ливень. Дожди здесь, на Киевщине, прямо как в тропиках: льется с небес вода с грохотом, как водопад. А потом, через пять минут, ни луж, ничего! Как будто и не было его, грохочущего водопада. Только земля черная, плодородная, без следа и остатка благодарно впитывающая все, до последней капли, слегка влажная.

В Алма-Ате такой силы и интенсивности ливень обычно оставляет следы в виде луж и сырости на несколько дней. И шумят, как горные реки, арыки по обочинам дорог, доставляя мутную дождевую воду из речек в озеро. А здесь – только влажная земля и ни одной лужи.

– Твою комедию!

Задумавшись о том, какие дожди у нас в Алма-Ате, я вдруг наткнулся на впереди стоящего и замершего, как бы споткнувшегося, земляка-стройотрядовца. Получилось как в немо кино. Передние шеренги замерли, на них наткнулись позади идущие, за ними следующие и так далее. Образовалась этакая беспорядочная куча-мала, с недоумением взирающая на вновь образовавшийся пейзаж. Картина Репина «Приплыли».

Весь наш жовто-блакитный, с зеленой продрисью, забор, с такой любовью возводимый нами и покрашенный более чем наполовину, лежал теперь на земле бесполезной кучей деревянного мусора. Весь, до последней жердочки! Желтый, синий, зеленый...

Все, что мы возводили и красили больше недели, ночная стихия разрушила меньше чем за два часа.

В недоуменной тишине опять почудилось мне, как завозились и ожили проклятые черные тени из рощицы. И громко-громко матерился в ту минуту наш мастер, с виду такой интеллигентный человек, от которого я до того не слышал ни одного похабного слова.

Нужно было все начинать сначала...

VII

Пока ждали грузовики с новым штакетником, получили приказ: срочно всем на близлежащую железнодорожную станцию – разгружать вагоны со стройматериалом. Станция маленькая, неброская, типичная деревенская. Даже не станция, а полустанок, заросший бурьяном и неухоженный. На одной из его «веток» и встал наш состав.

Вернее, только часть проржавевших вагонов, как бы раскрашенных коричневой бурой краской. Вагоны товарные, без крыши. В них стекловата, какие-то ящики, коробки с краской, гвоздями, мешки с цементом. Заело замок на воротах одного из вагонов, и бойцы вскарабкались на его верхние «ребра». Верхние стали подавать груз нижним по цепочке следующим, на насыпи, и так до самого грузовика.

Забрался и я на верхотуру, метров пять-шесть до земли. Поглядел вниз – мама дорогая! Как в пропасть смотришь, а с земли кажется не так высоко. А собригадникам моим страх неведом, с одного вагона на другой как зайцы прыгают!

К слову, ни разу мы не сталкивались в то лето с таким явлением строительства, очень распространенным в 80-е, как простои. Всегда были материалы, цемент, шлакоблоки, стекло, гвозди и прочий дефицит, отсутствие которых обеспечивают долгие перекуры на обычных стройках. Грузовики и самосвалы подвозили и увозили что нужно для строительства, чуть ли не десятки раз в день. Так подло размытый стихией несчастный забор заменили и привезли уже через день!

Второй год гласности и перестройки, несмотря на природные и техногенные катастрофы, свалившиеся на нас, оказался одним из самых романтических и позитивных периодов в сознании страны.

Партии и ее Генеральному еще верили, как никому до них, и честно надеялись, что жизнь можно изменить к лучшему, просто немного обновив идеологию и экономику.

Поэтому и Чернобыль был нам не страшен. Мы не чувствовали себя здесь брошенными, даже будучи гостями, инородцами. И то досадное ночное недоразумение с забором не надломило нас, несмотря на глубокую усталость под конец строительства, а по-хорошему разозлило всех. От командира до рядового бойца.

А потому мы тот забор возвели и покрасили со второй попытки не за неделю, как первый, а за три дня. Бросившись на него с остервенением, как когда-то первые квартирьеры, на кучу шлакоблоков. Или как тридцать Матросовых на амбразуру. Без всяких там политинформаций.

И вот мы обедаем днем позже, закончив с забо-

ром и вообще с «объектом». Дома построены, забор восстановлен и покрашен. Поселок после небольшой чистки уже практически готов принять беженцев. Все шутят опять, как в начале поездки, травят анекдоты, хохмят.

Кто-то даже запустил вокруг стола шутку-«феньку», достойную кисти художника-фантаста: как мы, подлетая на самолете к Алма-Ате, вдруг видим над городом растущий медленно ядерный «гриб». Так шутят хирурги над кроватью только что прооперированного или реаниматоры в морге. Без малейшего желания эпатировать или шокировать кого-либо, просто чтобы разрядить скопившееся напряжение. Так вот, сегодня мы хирурги и реаниматоры. С тем исключением, что наш «больной» похоже будет жить.

По выходе из столовой я не спеша и с наслаждением закуриваю и, повернув вправо, а не влево, как обычно, иду по направлению к заброшенной рощице.

– Эй, молодой, ты куда? – беспокоится Булат. – Нельзя туда!

– Я сейчас, – улыбаюсь я напарнику.

Подхожу как только можно близко к поужалому вылинявшему газону, разделяющему строительные площадки и заброшенный лесной массив. Слегка наклоняюсь вперед, пытаюсь рассмотреть что-нибудь в темном сыром полумраке удаленной рощицы. Ничего. Просто очень много деревьев, покрытых поредевшей и слегка пожелтевшей хвоей.

То тут, то там на стволах завязаны красные и желтые сигнальные лоскутки. То ли пометки для замера радиации, то ли топографические «закладки», то ли культовые деревца для поминовения усопших. Роща молчит. Даже ветерок не шевелит ни хвою, ни лоскутки.

– Да нету там никого, – говорю себе я вполголоса.

Ни звука или движения со стороны рощицы. Мертвое молчание.

– А если и есть, – бросаю на землю окурки и растираю в труху. – А если и есть кто, то пошли вы все!..

VIII

Последняя наша рабочая неделя в конце августа выдалась какая-то незапоминающаяся. Получилась она ни долгой, ни короткой, ни особо тяжелой, так как работу свою основную мы выполнили досрочно. Но и не слишком расслабленной, потому что нас стали по утрам возить в соседнюю деревушку на помощь другим стройотрядовцам.

По утрам мы так же, как всегда, вскакивали в шесть утра, но потом, минут сорок, еще сладко посапывали в стареньком трясущемся и пропахшем соляркой автобусе, добираясь от Белой Церкви по пыльной сельской дороге, со всего лишь одной полосой движения, до нового места назначения, километрах в ста от нашего лагеря.

Однажды при разгрузке самосвала одному из наших чуть не придавило огромной бочкой с мазутом или еще чем ногу. Кто-то зацепил ее, протаскивая мимо груз, и она, грохнувшись на бок, покатила по сходяням. Прямо на идущего бойца. Тот успел отскочить, и бочка прогремела вниз, врезавшись в ряд себе подобных. Но по ноге она его саданула все-таки пребольно. Замешкайся он чуть подольше, могла бы и ногу отдавить своей стокилограммовой тушей. А так просто кожу чуть с колена содрала.

Пока я с тем бойцом присел, в качестве моральной поддержки, покурить, увидел подозрительно знакомую фигуру с кудряшками на голове. Присмотревшись, узнал в той фигуре своего одноклассника из нашей алма-атинской школы. Даже со спины.

– Артурка! – завопил я радостно – Братан!

Он обернулся и несколько секунд лишь смотрел на меня недоуменно. Не узнавая. Пока его загорелая физиономия тоже не расплылась в счастливой улыбке:

– Костян?! Ты? Как? Откуда? Какими судьбами?

Бросились друг к другу, обнялись как братья. Задали друг другу вопросы, радостно тискались. Оказывается, его отряд и есть тот «другой» – из алма-атинского архитектурно-строительного, про который мы слышали неделю назад. Мы с ним в школе особенно не дружили, хотя и были в приятельских отношениях. А тут как прилипли друг к другу, упрямая бригада поставила нас в одну «упряжку» по погрузке или очистке территории.

И на перекур садились на кучу шлакоблоков или сломанных ящиков и вспоминали школу и десятый класс, который окончили три года назад. И все не могли никак наговориться, неохотно отрываясь друг от друга под вечер.

Просто увидеть знакомого из Алма-Аты здесь, за тысячи километров от дома, уже было удачей. А тут еще одноклассник! Так, в разговорах и работе прошло еще два дня. Потом их отряд передислоцировался на другой участок.

И тут пришла радостная весть. Всех нас наградили трехдневной поездкой в Москву. Оплатили гостиницу и питание, экскурсии на Красную площадь и в мавзолей Ленина, Горки и Звездный городок. Наш комиссар постарался.

И в голове с утра до вечера вертелось, как у чеховских сестер: «В Москву! В Москву!»

Перед отправкой каждому выдали наконец заработанные на стройке деньги. За два месяца тяжелой работы я получил аж семьсот советских рублей.

Были недовольные. Ребятам казалось, что им недоплатили. Дружный до этого отряд теперь незримо раскололся. Не растворились, видать, до конца те черные тени из рощицы, при дневном свете невидимые.

Я, кстати, не роптал. То, что я получил, мне казалось деньжищами огромными. А усталость, навалившаяся на меня с середины августа, просто одолела.

По пути в аэропорт Борисполь остановились в Киеве. Пронесли короткой экскурсией по местным достопримечательностям. Прошлись по оживленным коридорам Киевского госуниверситета имени Тараса Шевченко. Посмотрели мощи монахов в Киево-Печерской лавре, бросили последний взгляд на широкий сине-голубой, как само украинское небо, Днепр, прошлись, торопясь, по все еще немногочисленному Крещатику с фонтанами и – прощай, Киев!

Прощай, Украина! Дай бог тебе и людям твоим пережить этот страшный год!

IX

Москва встретила нас осенними дождями и очередями. Город, в котором никто, никогда и никого не ждет, жил той ранней осенью 1986 года своей обычной суетливой жизнью, мало реагируя на то, что происходило в стране. По крайней мере, у меня сложилось именно такое впечатление.

Очереди в то лето и осень были не только за спиртным. Хотя и опоясывали винные магазины столицы «петли Горбачева», как эти очереди тогда называли, ощущалась нехватка и прочих предметов первой и – не очень – необходимости.

Стояли в очередях не только за «литром яблок», как тогда в шутку называли вино и водку, но и за туалетной бумагой, мебелью, сметаной, глазированных сырками, тортами и пирожными.

В одном из магазинов стояла довольно внушительная очередь за шоколадными конфетами. Хорошо одетые и холеные, но хмурые и неприветливые тетеньки средних лет, преобладающие в той очереди, мрачно обсуждали нехватку всего и косились в сторону нашего автобуса, возле которого стали скапливаться выходящие стройотрядовцы: понаехали тут...

Вечером, после многочисленных экскурсий, ре-

шили отметить свое возвращение и собрались в гостиничном ресторане на первом этаже.

Не сказать, что «Метрополь» или «Интурист», но сверкающие люстры, белые фраки официантов и блестящий хрусталь все же немного подавили нас своей роскошью. Да и публика была под стать: знойные южные мужчины в летних белых костюмах и остроносых рыжих туфлях, в шелковых рубашках стоимостью в половину тех денег, что мы заработали на стройке за лето, и под стать им – тонконогие девицы в мини или полупрозрачных воздушных платьях.

Их раскрепощенное поведение и уверенность выдавали в них завсегдатаев подобных заведений.

«Сухой» закон здесь, как и в Киеве, соблюдали. Из преискурантов цен напрочь исчезли горячительные напитки, а в баре торговали лишь соками и минеральной водой. Хотя и хитрили.

Можно было договориться с кем надо, и водку тебе подадут в запечатанной бутылке боржомом, а армянский коньяк принесут в керамическом чайнике. Кое-кто из клиентов, я думаю, пригубил не один такой чайник, судя по громкой речи и оживленному поведению.

Погас свет, и начались танцы с дискотечной мигалкой. Заиграл хит того лета: «Братец Луи» в исполнении «Modern Talking», и публика с визгом бросилась отплясывать. Причем несколько парней и девушек делали это очень красиво, в ритм, почти профессионально.

Мы только челюсти нижние отвесили и не закрыли их до конца вечера. Кто-то из бойцов нашего отряда тоже вроде пустился в пляс, но скромненько так, на краю мигающей и грохочущей танцплощадки.

Вспомнилась почему-то фраза Остапа Бендера: «Мы чужие на этом празднике жизни». Действительно, как-то нелепо и жалко смотрелись мы в своей парадной, вылинявшей от стирок и выгоревшей на солнце стройотрядовской форме среди этих пляшущих, жующих и орущих мажоров.

От очередей до ресторанов Москва жила своей, отделенной от всех, жизнью. И не было ей дела ни до Чернобыля, ни до перепуганных бездомных беженцев, ни до тех, кто отчаянно пытался им помочь.

Опять закололо ощущение нашей инородности, какое посещало меня до этого на Украине. Чувство своей ненужности, нездешности вновь охватило меня – теперь уже здесь, в сытой и равнодушной Москве.

А в стройотряды я с той поры больше не ездил. Не потому, что не хотел, просто не вышло, были другие дела.

Большинство же наших ребят отстроили еще множество кошар и коровников. Те, кто хотел заработать – заработали. Те, кто хотел сделать на этом карьере – сделали. Но что-то с нами там, в Чернобыле, произошло тогда, что и тридцать лет спустя не вполне осознано нами и не оценено.

Уже потом нам рассказали, что улицу с нашими тремя домами называли то ли Казахской, то ли Алма-Атинской. Да и не столь важно как. Для меня важно, что дома построены и в них по сей день живут люди.

Июнь 2016

Константин ЕМЕЛЬЯНОВ

родился в г. Алматы, в Казахстане в 1966 году.

Окончил факультет журналистики Казахского университета.

Работал в местных газетах и журналах до отъезда в США в 1997 году.

После переезда печатался в журналах

«Юность», «Новый журнал», «Бельские просторы» и других,

литературно-художественных альманахах «Новый континент» и «Особняк»,

других печатных и интернетовских англо- и русскоязычных изданиях

США, Германии, России, Казахстана и Индии.

Живет в штате Вирджиния, США.

В журнале «Север» публикуется впервые.

